

ОВАНЕС ТУМАНЯН
ДАВИД
САСУНСКИЙ

1915 - 2015
СТОЛЕТИЕ ГЕНОЦИДА АРМЯН

Ованес Туманян
Давид Сасунский
Серия «Столетие геноцида армян»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24429622

Давид Сасунский:

ISBN 9781772467376

Аннотация

«Давид Сасунский» – средневековый армянский эпос, повествующий о борьбе богатырей из Сасуна (область в исторической Армении, ныне в Турции) против арабских захватчиков. Сложился в VII—X (не позднее XIII) веках. Эпос состоит из четырёх ветвей. Первая – Санасар и Багдасар, вторая – Мгер Старший, третья – Давид, четвёртая – Мгер младший.

Содержание

I	5
II	6
III	7
IV	8
V	10
VI	12
VII	14
VIII	16
IX	18
X	20
XI	22
XII	24
XIII	25
XIV	27
XV	29
XVI	32
XVII	33
XVIII	36
XIX	39
XX	40
XXI	42
XXII	48
XXIII	50

Ованес Туманян Давид Сасунский

I

Лев-Мгер богатырь был родом таков:
Сасуном владел он сорок годов.
Столь грозен был Мгер, что птице чужой
Не взлететь при нем над его страной.
От Сасунских гор и в дальний предел
О славе его слух страшный гремел, —
Что велик ишхан¹, всем смелым пример.
На тысячи уст был один Лев-Мгер.

¹ Ишхан – князь.

II

Так, грозный, как, лев, соседям на страх,
Он князем сидел в Сасунских горах,
Целых сорок лет, – и за сорок лет
Не молвил он «ах!» ничему в ответ.
Впервые теперь, как старость пришла,
В бесстрашную грудь кручина вползла,
Стал думать старик все думы одни:
«Настали маи осенние дни.
В плен к черной земле итти мне черед —
А слава моя, словно дым, пройдет,
Страх минет, и слух замрет обо мне
В пустынной моей и сирой стране.
Встанут каджей тьмы, встанут дэвов тьмы...
Кого ж назовем наследником мы,
Кто бы поднял меч, защитил Сасун?...»
Так думал в тоске бездетный горюн.

III

Раз сидел он, хмур, головой поник,
И виденьем вдруг был смущен старик:
С небес огневой спорхнул херувим —
Стопы в облаках – и предстал пред ним.
«Блажен, исполин, сасунский старик!
Престола небес твой голос достиг.
Бог даст, у тебя народится сын,
Но одно лишь знай, о гор властелин:
В тот же день судьба свершиться должна —
Умрете – и ты, и твоя жена».
«Будь воля его! – Мгер молвил тотчас, —
Как для смерти мы, так и смерть для нас.
Коль наследник есть – тогда человек
Потомством своим бессмертен вовек»,
Благовестник вновь в пыланье огня
Отлетел в лазурь, и с этого дня
Через девять лун и девять часов
Сын Мгеру был дан, в исполненье слов.
И львенку дает он имя – Давид,
И брата призвать, Огана, спешит.
Он сына и край ему поручил
И вместе с женой навек опочил.

IV

А в Мсыре в тот век, могуч и велик,
Престол занимал царь Мысрамелик.
Услыхав, что Мгер ныне взят землей,
На горный Сасун он пошел войной.
Стал Оган-Горлан от страха чуть жив,
Он встречал врага, главу обнажив,
Стал молить его, припадал к ногам:
«Ты будь, – говорил, – владыкою нам!
Доколь под тобой суждено нам жить,
Будем дань платить и верой служить, —
Лишь ты пощади, не громи наш край,
Лишь сладким на нас ты оком зрирай»,
«Нет, – молвил Мелик, – пусть весь ваш народ
Под мечом моим, как один, пройдет,
Что я ни твори, что с вами ни будь —
Сасунец не смей мечом шевельнуть».
И пошел Оган, весь Сасун призвал,
Всем скопом его под мечом прогнал.
Лишь один Давид никак, нипочем
Не хочет пройти под вражьем мечом.
Насильно тащить Давида пришлось,
Он людей разнес, раскидал всех врозь.
Мизинцем Давид коснулся кремня —
Из кремня взвились вдруг искры огня!

«Я дурня убью, разделаюсь с ним!» —
Говорит Мелик вельможам своим.
«Всемогущ ты, царь, — те в ответ ему, —
Покорен Сасун мечу твоему,
Угроза тебе ль в ребенке таком.
Хоть он превратись в огонь целиком?»
«Ну, пусть — говорит Мелик, — но когда
Нагрянет на нас отсюда беда,
Клянусь этим днем —
Будет зло все — в нем!»

V

Был велик Давид, хоть малы года.
Лет семи-восьми был Давид тогда.
Хоть мал был Давид, – силен до того,
Что всяк человек – комар для него.
Но несладкий рок сироте сужден,
Хотя бы и львом он был порожден,
Огана жена – презлая была;
Молчала сперва, но потом, со зла
Заспорила с ним, речь этак ведет:
«Я одна, – твердит, – забот полон рот,
А ты сироту взял – не было бед!
На шее моей сидит дармоед!
Пропасть бы ему!.. Ведь я не раба —
Ради вас не стану я гнуть горба!
Убери его, работать устрой,
Пускай поживет своей головой».
Начала тут слез ручьи проливать,
Оплакивать жизнь, судьбу проклиная,
Что несчастна, мол, и одна к тому ж,
Заступника нет, не щадит и муж...
Тут к парню Оган пошел-зашагал,
Он лапти ему железные дал,
Железный ему дал посох потом, —
Стал на весь Сасун Давид овчаром.

VI

И погнал овчар-великан свой скот
В несравненный край Сасунских высот.
«Эй, горы, джан!
Родные, джан!»
Как он залился, окликать пошел,
Оглушил раскат и гору и дол.
Пустилось зверье из берлог, из нор —
Разбежались врозь, разбрелись среди гор.
По следу искать их начал Давид,
Он в горы бежит, он в долины бежит.
Лис, зайцев, волков, косуль наловил,
В отару одну с ягнятами сбил.
Вечеру погнал их в Сасун, домой.
Тут и шум, и крик, тут и визг и вой.
Увидал тогда весь сасунский люд,
Что звери толпой на город идут.
«Дела бросай! —
Себя спасай!»
Тут, рад не рад,
И стар и млад
Скорей утекать — кто в лавку, кто в храм,
Заперлись в домах, сидят по дворам,
Явился Давид, на майдан идет:
«И рано же тут ложится народ!»

Ягнят встречай! Козлят встречай!
Эй, кто хозяин? Отворяй!
За одного – все десять на!
За десять – двадцать на сполна!
Скорей вставай, сюда иди,
Ягнят-козлят в хлева веди!»
Глядит – не идут; что ни дом – замкнут,
Разлегся и сам на майдане тут.
Уснул – головой на камне, – устал;
До самой зари сладким сном проспал.
Наутро чем свет поднялись князья,
К Огану пришли, все – одна семья:
«Эй; Оган-Горлан, возьми тебя прах!
К чему дурачка держать в пастухах!
Где овца, где волк – ему невдомек,
Весь Сасун зверьем набил пастушок.
Бога ради, дай другой ему труд,
Не то люди все со страху помрут».

VII

Встал Оган-Горлан, пошел на майдан,
«Подале держись, эй, дядя Оган!
Разгонишь козлят! Осторожно! Стой!»
Из отары вдруг тут заяц косой —
Оба уха врозь с перепугу – прыг...
За серым Давид бежит напрямик.
По горам бежал, по долам бежал,
Вернул и опять к другим примешал.
«Ой, дядя Оган! Я и сам не рад:
Бог благословил тех черных козлят,
А серые – те, которые тут,
Врассыпную все – и в горы бегут.
Намучился я, как бегал вчера,
Насилу-то их довел до двора...»
Посмотрел Оган – беда с пареньком:
Вновь обувки нет приличной на нем,
И посох-то весь об ладонь истер —
Немало, видать, поизбегал гор.
«Помогу тебе, – говорит Оган, —
От серых козлят ты извелся, джан.
Назавтра гони ты рогатый скот»,
Так молвил Оган. Наутро идет.
Вновь пару лаптей железных дарит,
Чтоб вновь хорошо был обут Давид,

В сто лидров дарит он посох притом, —
И в Сасуне стал Давид пастухом,

VIII

И погнал пастух-великан свой скот
В несравненный край Сасунских высот.
«Эй, горы, джан!
Родные, джан!
Как сладок склон
Нагорных стран!»
Как он залился, окликать пошел,
Оглушил раскат и гору и дол.
Пустилось зверье из нор, из берлог, —
Разбрелись в горах, покинули лог,
По следу искать их начал Давид,
Он в горы бежит, он в долины бежит.
Волков, медведей, львов, тигров словил,
Их в стадо одно с коровами сбил,
Вечеру погнал их в Сасун, домой.
Тут и шум и крик, тут и визг и вой.
Перетрусил вновь сасунский народ —
Тьмой-тьмущей зверье на город ползет:
«Дела бросай! —
Себя спасай!»
Тут, рад не рад,
И стар и млад
Скорей утекать: кто в лавку, кто в храм,
Заперлись в домах, сидят по дворам,

Явился Давид, на майдан идет:
«И рано же тут ложится народ!
Коров встречай! Волков встречай!
Эй, кто хозяин? Отворяй!
За одного – все десять на!
За десять – двадцать на сполна!
Скорей вставай, сюда иди,
Коров-воловок в хлева веди!»
Глядит – не идут; что ни дом – замкнут.
Разлегся и сам на майдане тут.
Уснул – головой на камне, – устал;
До самой зари сладким сном проспал,
Наутро чем свет поднялись князья,
К Огану пришли, все – одна семья:
«Эй; Оган-Горлан, возьми тебя прах!
К чему дурачка держать в пастухах!
Где овца, где волк – ему невдомек,
Весь Сасун зверьем набил пастушок.
Бога ради, дай другой ему труд,
Не то люди все со страху помрут».

IX

Наказанье с ним! Не Давид – беда!
В отчаянье впал сам Оган тогда,
Он стрелы ему и лук смастерил,
Чтоб в горы Давид стрелять уходил.
Так лук и колчан Давид приобрел,
Далеко в тот день за город забрел, —
Охотником стал. В просяных полях
Воробьев стрелял, перепелок-птах;
К знакомке отца ходил вечерком,
К старухе одной одинокой в дом.
Велик, долговяз, – лежал, как вишاپ;
У огня в углу раздавался храп.
Однажды пришел с охоты Давид,
Старуха в сердцах ему говорит:
«Ой, чтоб тебя унес мой конец!
Да таков ли ты, каким был отец?
Старуха ведь я, без рук и без ног,
Лишь поле да я, а над нами – бог!
Что ж топчешь посев, что губишь спроста?
Я была б с него целый год сыта!
Коль охотник ты – свой лук забирай.
Сеханасар, Цымцка и меж них весь край
Держала рука отца твоего;
Была для охот гора у него, —

И козуля там, и олень, и лань.

Коли сможешь – там охотником стань!»

«Что ж, бабушка, клянешь ты меня? Я мал,

Впервые о том от тебя узнал.

Где наша гора? Как найти ее?»

«Твой дядя Оган тебе скажет все».

Х

Вот к Огану в дом, чуть забрезжил свет,
Явился Давид получить ответ:
«Что ж, дядя, молчал? Сказать бы пора,
Отцовская где для охот гора?
Козуля там есть и олень, и лань!
Сведи же меня на ту гору. Встань!»
«Ох, лучше бы ты про это не знал!
Лишишь языка, кто тебе сказал!
Да, нашей гора была до поры,
Но дичь той горы ушла с той горы.
И козулям всем и ланям конец.
Покуда был жив твой светлый отец
(Счастливые дни – возвратишь ли вас?) —
На горе той дичь едал я не раз...
Он умер, и бог отвратил свой лик,
Тут войско собрал царь Мысрамелик,
Разгромил наш край, сады и дворы,
Расхитил, угнал дичь с нашей горы,
И ни лани нет, ни оленя там.
Уж так на роду написано нам.
Все прошло, сынок... ступай-ка домой.
Мелик услышать может голос твой»,
«Что сделает мне Мелик? Ничего.
Позволения, что ль, просить у него?

Коль он мсырский царь, так Мсыр свой и знай.
Чего ему лезть в наш нагорный край?
Встань, дядя, бери свой лук и пойдём
На ловчей горе пострелять вдвоем!»
Огану пришлось тут встать и пойти.
Пришли, а горы искать – не найти.
Ограду снесли, повырублен лес;
От самой горы даже след исчез.

XI

Там на ночь они остались сам-друг,
Взял Оган-Горлан свой колчан и лук,
Под голову их положил, храпит.
В море дум меж тем погружен Давид.
Вдруг видит – вдали словно свет зажгли,
Могучий огонь сияет вдали...
И вот на лучи
Он пошел в ночи.
Идет по горе, взобратся спешит,
Взошел, поглядел: там мрамор лежит,
Лежит, рассечен,
Внутри просвечен,
Из камня ж огонь, вырываясь, бьет, —
Взовьется и вновь на камень падет.
Спустился Давид с той вершины опять;
Спустился и стал он Огана звать:
«Встань, дядя, чего ты хранишь? Иди!
Встань, дядя, скорей, на свет погляди!
Яркий свет упал на ту высоту,
На ту высоту, на глыбину ту.
Встань, сон отряхни, поди посмотри,
Какой это свет там горит внутри?»
Встал Оган-Горлан, сотворил он крест:
«Умереть бы мне за свет этих мест!

То наша гора, то свет Марута!
Монастырь здесь был, где глубина та —
Сасуна покров, Сасуна оплот,
Заступницу здесь почитал народ;
Обычно, когда собирался в бой,
Молитву творил там родитель твой.
Он умер, и бог отвратил свой лик,
И войско собрал царь Мысрамелик.
Пришел, монастырь он разрушил, смёл, —
Но доньше свет нам струит престол».

XII

И когда Давид обо всем узнал,
«Дядя, дядя мой дорогой! – сказал, —
Вот я сирота на свете на всем,
Без отца живу, так будь мне отцом.
С горы Марута теперь не сойду:
Я наш монастырь опять возведу.
Прошу у тебя мастеров пятьсот,
Пять тысяч людей для тяжких работ,
Чтоб в недельный срок на работу стать —
Каким прежде был, монастырь создать».
Тут пошел Оган и привел народ,
Пять тысяч привел, мастеров пятьсот;
Работники все, мастера пришли,
Стук-стук да тук-тук – все вновь возвели.
Все – на прежний лад – краса, широта, —
Монастырь возник горы Марута.
И братия вновь сошлась в монастырь,
И вновь по церквам зазвучал псалтырь.
Когда ожила вновь обитель та,
Спустился Давид с горы Марута.

XIII

До Мелика слух, до Мсыра достиг:
«Спешим доложить, что Давид воздвиг
Монастырь отца, что ишханом стал, —
А подати ты семь лет не взимал»,
Осерчал Мелик:
«Отправляйтесь вмиг,
Бади с Козбади,
Сюди с Чархади!
Все камни поднять в сасунской стране,
За семь лет всю дань истребовать мне!
Сорок юных дев-красавиц добыть,
Сорок низких жен – жернова крутить,
Сорок рослых жен – верблюдов грузить,
При доме моем служанками быть!»
И Козбади возглавил рать.
«Все, что велишь, готов собрать!
Сасун разрушу и займу,
Жен сорок сороков возьму.
Да в сорока тюках казну, —
Армянскую сотру страну!»
Сказал, а женщин хор и дев,
Кружась, выводит нараспев:
«В Сасун наш Козбади идет,
Жен сорок сороков возьмет,

Да сорок золота тюков —
Низать уборы для голов,
Коров пригонит красных – впрок
Нам масло будет и творог!
Джан Козбади, джан Козбади!
Давид перед тобой пади!»
А Козбади – так спесью сыт.
«Спасибо, сестры! – им кричит, —
Пождите, возвращусь сюда, —
Еще попляшете тогда!»

XIV

Вот рать в поход,
Идет – поет...
И Козбади в Сасун проник.
Оганов отнялся язык, —
Хлебь-соль в руках,
А сам в слезах,
Твердит, трясясь:
«Помилуй нас!
Хоть всё бери! Веди в полон
Цветущих дев, сасунских жен,
Бери казну, и кровь, и пот, —
Но бедный пощади народ!
Не истребляй, смири грозу.
Бог – наверху, а ты – внизу».
И вереницей вывел он
Цветущих дев, сасунских жен.
Закончил Козбади отбор,
В сарай загнал их, на запор.
Сорок дев сумел невинных добыть,
Сорок низких жен – жернова крутить,
Сорок рослых жен – верблюдов грузить,
Мелику-царю – служанками быть.
Увез казны немало груд.
Обьяла скорбь армянский люд.

XV

Эй, где ты, Давид, защитник армян?
Хоть из камня выдь – явись на майдан!..
Как встала в горах вновь обитель та,
Спустился Давид с горы Марута.
Он ржавый себе полотьник нашел,
Пошел, в огород старухин зашел.
Старуха к нему, и кричит-клянет:
«Не репу жевать тебе, сумасброд,
А огонь бы есть, заразу бы есть!
На свете ужель одна я есть?
Все просо мое ты сравнял с землей,
Я репой одной буду жить зимой, —
Ты и репу рвать?
Где ж еды мне брать?
Ты возьми свой лук, коли ты храбрец,
Овладей страной, где княжил отец,
Ты возьми добро отца своего,
Без владельца ты оставил его.
Царь Мсыра за ним уж прислал – смекни!»
«За что ж на меня ты кричишь, нани?
Не пойму, о чем говоришь сейчас.
Что мсырский халиф увозит от нас?»
«Что мсырский халиф увозит от нас!
Да мсырский халиф лишит тебя глаз!

Где ум твой, Давид! Он отправил рать,
Чтоб город Сасун громить, обирать.
Бади с Козбади,
Сюди с Чархади
Ограбить пришли наш Сасун родной:
Сорок взять тюков казны золотой,
Сорок дев-невест прекрасных добыть,
Сорок низких жен – жернова крутить,
Сорок рослых жен – верблюдов грузить,
Мелику-царю – служанками быть».
«Чего же меня ты клянешь, нани?
Покажи, чего там хотят они?»
«Чего? – Помереть бы тебе, юнец!..
Таков ли ты сын, каков был отец?
За репой пришел – набиваешь рот,
Козбади ж ведет вашим деньгам счет,
Он девиц набрал, весь сарай набил».
Тут ушел Давид, о репе забыл.
Глядит: Козбади у дяди в дому,
Сам мерит казну, – не дает никому.
Сюди с Чархади – те держат мешки.
Поодаль Оган, понур от тоски,
Стал, руки скрестив, нахмурена бровь
Давиду в глаза тут хлынула кровь.
«Ты встань, Козбади, да стань к стороне,
Отцову казну дай ты мерить мне!»
Козбади сказал: «Оган, перестань!
Даешь – так давай за семь лет мне дань,
А не то уйду, клянусь бородой,

Мелику скажу – нагрянет войной.
Он весь ваш Сасун вконец разнесет,
Пропахать велит, чтоб стал огород».
«Вон, мсырские псы! Не случилось, знать,
Сасунских вам удальцов встречать!
Иль мертвыми нас теньями сочли,
Чтоб требовать дань с сасунской земли?»
Осерчал Давид, он мерку схватил,
Он меркою лоб Козбади разбил.
И стену пробил осколком Давид, —
И осколок тот до сих пор летит.
Побросав мешки золотой казны,
Бежали из гор армянской страны
Бади с Козбади,
Сюди с Чархади...

XVI

«Ой, дядюшка, ой! Никак не пойму!
Ведь денег мы тут накопили тьму, —
Ты ж сделал меня в Сасуне слугой,
Поставил меня у двери чужой».
Отвечал Оган: «Эх ты, сумасброд!
Сколько лет я блюл меликов доход,
Чтоб сладко глядеть изволил на нас.
Ты не дал... Теперь нагрянет как раз.
Он камни и те снесет, как поток...
А сразиться с ним кто бы выйти мог?»
«Ты, дядя, постой, сам выйду я в бой,
Отвечу ему, — ты, дядя, постой...»
Ворота в сарай он с размаху пнул,
Всем девушкам он свободу вернул. —
На волю!.. и пусть молва говорит:
«Мы солнца тебе желаем, Давид!»

XVII

Избитые, в крови, отсель
До мсырских добрались земель
Бади с Козбади
Сюди с Чархади.
Их видят женщины вдали,
На крыши женщины взошли,
Шумят, поют, в ладоши бьют:
«Идут, идут! Ведут, ведут!
Наш Козбади ходил в поход,
Жен сорок сороков ведет,
Коров ведет нам красных – впрок,
Нам будет масло и творог,
Подъехали – иной уж толк,
Вдруг голос радости примолк,
И – ну кричать,
Ну – величать:
«Эй, Козбади! А хвастал тож!
Чего ж едва идешь-бредешь?
Видать, идешь издалека?
Твоя рассечена башка!
А сам сулил – в Сасун пойду,
Жен сорок сороков сведу,
Казны я сорок нош сберу,
Страну армян я в прах сотру!

Ушел в Сасун, как лютый волк,
Пришел, как пес, – зубами щелк!»
На Козбади нахлынул гнев.
«Молчать! – вскричал, рассвирепев, —
Видали мы мужей, отцов,
А не сасунских удальцов!
То племя – горное оно
Их стрелы – каждая с бревно,
Край каменист, не подступись,
Ущелья – вглубь, а горы – ввысь.
Как сабли, травы по хребтам,
Бойцов три сотни пало там».
Сказав, решился, наконец,
Итти к Мелику во дворец,
Перед царем своим предстал, —
На троне царь захохотал:
«Ну, молодец же, Козбади!
Повешу я, того гляди,
Тебе орла большого знак
За то, что уничтожен враг.
Так где же всё? А ну, взгляну
На дев сасунских и казну!» —
Сказал Мелик, а Козбади —
Возьми да в ноги упади.
«Будь, государь, твой вечен дом!
Насилу спасся я верхом.
Казну возьмешь ли у армян?
Родился у армян буян —
Ему ничто лета и сан.

Мне голову рассек буян —
Отцов, мол, клад, — не дам его,
Ни жен народа моего!
В Сасуне места нету вам...
Пускай ваш царь приедет сам,
Тогда сразимся мы вдвоем:
Пусть, — ежель смел, — берет силком!»
Рассвирепел Мысрамелик.
«Рать собирать! — раздался крик. —
Тысячу тысяч зеленых юнцов,
Тысячу тысяч — без бород, усов,
Тысячу тысяч — с пушком на губах,
Тысячу тысяч — в цветущих годах,
Тысячу тысяч — кто с углем-бородой,
Тысячу тысяч — с седой головой.
Тысячу тысяч — в трубы трубить,
Тысячу тысяч — в барабаны бить.
Пусть явятся все, при мече, в броне, —
Погляжу, каков Давид на войне,
Сасун разгромлю,
Как поток, залью».

XVIII

Несметную рать ввел в землю армян,
На поле разбил под Сасуном стан
И гордо воссел царь Мысрамелик.
К Батману-реке тут каждый приник.
Припадали пить, а рать велика,
Все идут, все пьют, – иссякла река.
Без воды страна оказалась вся,
Князь Оган-Горлан тут диву дался.
Влез в шубу Оган, добрел до горы.
Взобрался, глядит – под горой шатры!
От шатров бела равнина сама,
Словно разом в ночь подошла зима,
Словно белый снег весь Сасун застиг!
Желчь стала водой, отнялся язык.
Побежал домой, завопил: «Арай!
Он нагрянул к нам, – арай! убегай!»
«Кто нагрянул к нам? Кто пришел опять?»
«Мор, огонь пришел, – чтоб Давида взять!»
Царь Мсыра пришел, Сасун воевать.
Там в поле у нас построил он рать.
Есть и звездам счет, – счету нет войскам.
Горе нашей стране, и солнцу, и нам!
Понесем казну, поведем девиц,
Пойдем пред ним повергнемся ниц, —

Умолить хочу

Не предать мечу».

«Ты, дядя, постой, ни к чему тоска,

Ты поди домой, да поспи пока.

Я встану, пойду на равнину сам,

За всех нас ответ я Мелику дам».

Отправился вновь к старухе Давид.

«Нани моя, джан, – он ей говорит, —

Кочергу, пруты, весь железный хлам,

Что есть у тебя, собери по углам,

Добудь мне осла, чтобы мог я сесть, —

С Меликом хочу я сраженье весть».

«Ох, чтобы тебя унес мой конец!

Да таков ли ты, каков был отец?

Где конь отцовский голубой?

Где меч отцовский огневой?

Отцовский пояс золотой

И крест заветный боевой,

Его наборное седло,

Капа и булава его?

А просишь, дурень, чтоб дала

Тебе я прутья да осла!»

«Зачем же, бабушка, сердчать?

Я молод, мне откуда знать?

Я не слыхал о том словца.

А где лежит доспех отца?»

«У дяди своего спроси.

Скажи: достань, давай, неси!

А не захочет дать добром,

Коли глаза, бери силком»,

XIX

Пришел к Огану наш Давид.
«Мой дядя добрый, – говорит, —
Дай мне отцовского коня,
Дай меч, который из огня,
Отцовский пояс золотой
Да крест заветный боевой,
Его наборное седло,
Капу и булаву его!»
«Как умер Мгер, с того я дня
Не выводил его коня,
Не брал я молнии-меча,
Оружья, лат с его плеча.
Не растравляй, не говори!
Все тут, – коль хочешь, сам бери!»

XX

Доспех отца надел Давид
И пояс с молнией-мечом,
На мощной длани крест висит, —
Вот на коня он сел верхом,
Прикрикнул – и коня пустил...
Оган Горлан запел-завыл:

«Жаль, трижды жаль, пропал наш конь голубой,
Ах, наш конь голубой!

Жаль, трижды жаль, он пояс взял золотой,
Ах, пояс взял золотой!

Жаль, на себе он Мгера капу увез,
Ах, Мгера капу увез!»

Стал Давид серчать,
Повернулся вспять, —

Тот оторопел,

Иное запел:

«Жаль, новый наш лев, мой Давид погиб!

Ах, мой Давид погиб!»

Услыхал Давид, —

Он сойти спешит.

Огану к руке подошел сперва.

Оган, как отец и семьи глава,

Дал совет ему и перекрестил

И, благословив, на бой отпустил.

XXI

У Давида-льва был дядя один,
Гроза-великан, – а звался Торос.
Про сасунский бой узнал исполин.
Он тополь взвалил на плечо, понес.
Он кричит врагам с далеких холмов:
«Иль больше у вас одной головы?
Что за люди вы? Или кто таков
Сасунец Давид, не знаете вы?
Неизвестно вам: крылат его конь!
Как явится с ним, да как пустит в пляс!
Убирайся прочь, Сасуна не тронь, —
Я пришел майдан очищать от вас!»

Враз тополем он как хватил шатры,
Их двадцать за раз сокрушил с плеча,
А Давид стоит на верху горы,
На поле глядит, как вишاپ, крича:
«Кто спит еще – дрему сгоняй!
А кто согнал – спеши, вставай!
Кто встал – доспехи надевай!
А кто надел – коней седлай!
Кто оседлал – скакать пускай!
Потом не лгать – легли, мол, спать,
Давид явился, мол, как тать».

Он прокричал и поскакал, —
Огонь разящий, свет и гром —
На вражье войско он напал,
Сияя молнией-мечом.

До полдня он рубил, топтал,
И к полдню – крови был поток,
Он бурно тѣк, горяч и ал,
И трупы тысячами влек.

Во мсырском войске старец был,
Он много видел на веку.
«Пойду к Давиду, – дед решил, —
Он не откажет старику...»

Представ перед сасунским львом,
Разумно молвил старец тот:
«Век сила будь в мече твоём!
Твоя рука тебе оплот!

Послушать старика – не труд,
И своему поверь уму:
Чем провинился этот люд?
Его ты губишь почему?

Они все – дети матерям,
Они – светильники в дому,
Иной – жену оставил там, —

Вдаль тяжело глядеть ему;

Иной – свой дом, малюток в нем,
Отца да мать, и всю семью,
Иной – с завешенным лицом
Подругу юную свою.

То царь их пособрал везде,
Согнал бичом, грозил мечом!
Мы – бедняки, весь век в нужде,
Перед тобой мы грешны – в чем?

Твой враг – Мелик, виновник сеч;
Коль боя жаждешь, – с ним сразись,
Зачем же ты возносишь меч
На тех, что горем упились?»

«Ты молвил хорошо, старик, —
Сказал Давид, но знать хочу,
Укрылся где ваш царь Мелик,
Как день его я помрачу?»

«А вон, под тем шатром большим,
Где дым валит, он крепко спит.
А дым тот – вовсе и не дым:
Из уст Мелика пар валит».

Едва замолкнули слова,
Давид к шатру верхом летит,

А у шатра – араба два,
И звонко крикнул им Давид:

«Где царь ваш? Где врага найду?
Пусть выйдет – встретимся в бою!
Коль смерть неймет – я смерть ему,
Не бьет никто – так я убью!»

Они ответили: «Привык
Семь дней без просыпу он спать —
Уже три дня проспал Мелик,
Через четыре может встать»,

«Несчастный люд согнал гурьбой,
В крови он утопил людей!
А сам в шатер ушел цветной,
Спать завалился на семь дней?

Он спит иль нет – мне дела нет!
Будите, чтобы шел сюда!
Спать уложу тебя, сосед, —
Так не проснешься никогда!»

Арабы встали – как им быть?
Прут накалили на огне,
Царя по пяткам стали бить,
А царь лишь охает во сне:

«Ох! Невозможно час один

Забыться от проклятых блох!» —
И только крякнул исполин,
Невозмутим был царский вздох.

Лемех достали от сохи,
Его калили на огне
И, раскаленным добела,
Царя хватили по спине.

«Ох! Не уснешь и час один
От трижды клятых комаров!» —
Вновь глухо крякнул исполин,
Зевнул опять, уснуть готов...

Но вдруг вскочил, глаза скосил:
Пред ним – Давид! Мелик – рычать.
И начал дуть изо всех сил,
Чтоб великана прочь умчать.

Глядит – тот с места ни ногой.
Трепещет – подошла гроза!
И взор свой, кровью налитой,
Вперил в Давидовы глаза.

Как увидал, – так мощи в нем
На десять убыло волов.
Присел на ложе, – а потом
Поток полился льстивых слов.

«Привет Давиду! Отдохни,
Сядь, потолкуем, – говорит, —
А там со мною бой начни,
Коль боем ты еще не сыт».

В шатре меж тем он яму рыл.
До сорока локтей обрыв,
Ковром он пасть ее покрыл,
Сначала сеткою покрыв,

Кого он побороть не мог,
Тех зазывал к себе в шатер
И льстиво – гостю невдомек —
Сажал на гибельный ковер.

Сойдя с коня, вошел Давид,
Уселся и упал в провал...
«Ха-ха-ха-ха-!., Хо-хо-хо-хо! —
Свирепый царь захохотал.

Коли сумел туда попасть,
Там и сгниешь! Довольно жил!»
И на погибельную пасть
Огромный жернов наложил.

XXII

А Оган-Горлан уснул в эту ночь,
И ночью во сне увидал старик:
Где Мсыр – в небесах там солнце горит,
А горный Сасун под тучей поник.

С постели его тут поднял испуг,
«Ты, жена, – сказал, – посвети-ка мне!
Больно юн Давид, отбился от рук, —
Ах, туча лежит на родной стране!»

«Ой, прахом посыпь ты темя себе!
Наверно, Давид где-нибудь в гостях.
Ты лежишь – храпишь, а сны у тебя
Бог знает, о чем – оттого и страх».

Вновь уснул Оган, проснулся опять:
«Ой, жена, Давид дождался беды.
Ой, Мсыра звезда всех ярче горит.
Но печален свет у нашей звезды».

А жена кричит, стоит на своем:
«Что случилось с тобой средь ночи глухой?»
И Оган лицо осенил крестом,
Отвернулся, спит, тревожен душой.

И еще грозней ему снится сон,
Он видит во сне небес высоту.
Свет мсырской звезды – на весь небосклон,
Сасуна ж звезда зашла в темноту.

В испуге вскочил: «Сгинь дом твой, жена!
Что слушать тебя, ты умом скудна!
Там погиб-пропал наш мальчик Давид,
Вставай да давай мне мой меч и щит».

XXIII

Пошел в конюшню; потрепал
Коня он белого рукой:
«Эй, белый конь, когда домчишь
Меня к Давиду, ретивой?»

«К рассвету», – говорит в ответ
И – брюхом оземь конь лихой.
«Сломи хребет! Что мне рассвет?
Поспею к гробу я с тобой!»

Он треплет красного коня,
И – брюхом оземь огневой.
«Джан, красный конь, когда домчишь
Меня к Давиду, ретивой?»

«Да в час единый, – конь сказал, —
Домчу к Давиду; я – лихой!»
«Овес, что я тебе давал,
Да станет ядом и чумой!»

Тут к вороному подступал,
Не рухнул наземь вороной.
«Джан вороной, когда, – сказал, —
Меня домчишь к Давиду в бой?»

«Коль будешь крепко ты сидеть —
Коснешься стремени ногой,
Другую не успеешь вдеть, —
Домчу!» – ответил вороной.

XXIV

Он вороного оседлал,
И – в стремя левою ногой,
Пока же правую вдевал,
Уж был в Сасуне вороной.

Глядит: Давидов конь, один,
Уныло бродит по горам.
А мсырцы посреди равнин —
Что море – нет числа шатрам,

Семь бычьих шкур он надевал, —
Боялся: от избытка сил
Не разорваться б! Тучей встал
И с кручи горной возгласил:

«Эй, эй, Давид! Где ты? Услышь!
Недаром носишь ратный крест!
Святую деву помяни,
Явись под солнцем этих мест!»

Пророкотал донесся клич
К Давиду под тюремный кров,
«Эй, эй, – сказал, – то дядя мой,
С горы Сасуна этот зов!

И богоматерь Марута
И древний крест мой боевой,
В мой трудный час зываю к вам...» —
И прынул витязь удалой.

По жернову ударил он,
Разбил на тысячу кусков,
Взвились обломки в небосклон, —
Так и летят ряды веков.

Из ямы вышел: грозен встал, —
И задрожал Мелик пред ним:
«Мой брат Давид, ко мне поди,
Садись за стол, поговорим».

«Теперь твой хлеб не для меня,
Лукав ты, низок и труслив.
Бери доспех, седлай коня,
И вступим в бой, пока ты жив».

«Ну, вступим в бой! – сказал Мелик, —
Но ударять сначала – мне»,
«Пускай – тебе!» – сказал Давид
И стал средь поля на коне,

Взял палицу Мысрамелик,
Помчался, во весь дух гоня,
Он залетел в Диарбекир —

И вновь назад погнал коня.

Три тысячи был лидров вес
Огромной палицы одной.
Ударил он – в пыли исчез,
Заколебался шар земной.

«Землетрясение? Рухнул мир?» —
В смятении спрашивал народ,
«О нет, то жаркой крови пир,
То великанов бой идет!»

«Один удар – и пал Давид!» —
Войскам провозгласил Мелик.
Но из-под тучи крик гремит:
«Я жив!» – Давида грозный крик...

«Ай, ай, – разбегу мало нам!
Гляди, как налечу сейчас!» —
Вскричал Мелик. Могуч и прям,
Сел на коня второй он раз.

Теперь уж скачет он в Алепп,
Оттуда вновь погнал коня.
От вихря пыли мир ослеп,
Под бурей задрожал, стена.

Разит. Услыша грозный гром,
Оглохли люди, нем язык.

«Осиротел сасунцев дом!» —
Спешит похвастаться Мелик.

«Я жив! – воскликнул вновь Давид, —
Скачи еще – черед не мой!» —
«Ай, ай, разбегу мало нам!..» —
Мелик воскликнул, сам не свой.

Мчал в третий раз он горячо,
И в Мсырский ускакал предел,
И с палицей через плечо
Вновь на Давида налетел.

Изо всех сил ударил он,
Ужасен гром был, мир поник,
Окутан прахом небосклон,
Покрылся тьмою солнца лик,

И вот три ночи и три дня
Стоял подобьем тучи прах,
Была три ночи и три дня
Давида смерть на всех устах.

Три долгих дня ушло, и вот
В стоявшем тучей прахе том
Живой Давид горой встает —
Горою в сумраке густом.

«Теперь, – он молвил, – мой черед!»

Припав к земле, дрожит Мелик, —
Смертельный пал на сердце гнет,
Душой кичливой царь поник.

Он сам в ту яму, в глубь и тьму
Под земляной забрался кров, —
Забился он под сорок шкур,
Залег под сорок жерновов.

И с места прынул, и вскричал
Сын-лев, достойный льва-отца.
Сверкнул, взыграл, забушевал
Меч-молния в руке бойца.

Но мать меликова вопит,
Вопит и пряды рвет седин:
«Топчи мне волосы, Давид!
Но мне даруй удар один!»

Вторично меч Давид вознес,
Сестра меликова – к нему:
«Давид, теперь, – вопит сквозь слез, —
Рази по сердцу моему!»

И час последний наступил.
Давид сказал: «Господь, прости!
Я два удара уступил,
Но третий должен нанести».

Тут дядя выступил Торос,
«Его разрубишь пополам,
Потом, Давид, – он говорит, —
Мы тело взвесим по частям.

Две половины мертвеца
Да будут равны, – говорит, —
Иль больше моего лица
Не увидеть тебе, Давид».

Воспрял Давид и поскакал,
Мчит бурно конь – сдержать нельзя.
Забушевал и засверкал
Меч-молния, и пал разя.

Сквозь сорок буйволовых кож,
Сквозь сорок мельничных камней.
Он пополам рассек царя
И вглубь прошел на семь локтей.

«Я жив! – Мелик из тьмы вопит, —
Рази еще, – да не рассечь!»
Тогда разгневался Давид,
Вновь сыплет искры дивный меч.

«А ну, встряхнись, Мысрамелик!»
Мелик встряхнулся, и тогда
Распались половины вмиг,
Одна – сюда, одна – туда.

И вражья рать простерлась в прах.
Встал ужас, лица леденя.
Давид воззвал: «Оставьте страх,
Приблизьтесь, слушайте меня...

Жизнь ваша, пахари, темна!
Голодный, голый вы народ.
Мук ваших тысяча одна
И тысяча одна – забот.

Зачем вы взяли стрелы, лук,
Пришли – в чужих полях засесть?
У нас ведь тоже дом и плуг,
И старики, и дети есть.

Иль опостылел вам покой
И ваши сельские труды,
Иль надоело под горой
Вам сеять, жать, собирать плоды?

Идите, люди, как пришли,
В свой Мсыр родимый сей же час.
Но, если из своей земли
Вы вновь подыметесь на нас, —

Хоть в яму брошен будь Давид,
Будь тяжким жерновом накрыт,
Как ныне, молнией-мечом

Давид Сасунский вас сразит.

Бог весть, при встрече боевой
Кто пораскается в тот час:
Мы – в грозный вышедшие бой,
Иль вы, напавшие на нас!»